

Анатолий Агарков

Ночь, кладбище, кошмары

Человек всегда был и будет самым
любопытнейшим явлением для
человека...

(В. Белинский)

Анатолий Агарков

Ночь, кладбище, кошмары

«Издательские решения»

Агарков А.

Ночь, кладбище, кошмары / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905922-2

Все страхи наши — плод наших вымыслов. Всегда найдется логическое объяснение любому сверхъестественному явлению — утверждаю, как очевидец. Но говорят, ночами по кладбищу упыри ходят, ведьмы могилы раскапывают и покойников оживляют... Не дай Бог случиться в полнолуние на погосте! А так ли это? Может, рискнем — заглянем... или не стоит? Ну, смелее, смелее — переворачивайте страницу, следуйте за рассказчиком. Тут такое....

ISBN 978-5-44-905922-2

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Ночь, кладбище, кошмары	6
Рассказ Антона Семченко	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ночь, кладбище, кошмары

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5922-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночь, кладбище, кошмары

Человек всегда был и будет самым любопытнейшим явлением для человека...
(В. Белинский)

Эту историю в разное время рассказали мне незнакомые между собой люди.

Поставив точку в конце Ханифкиного повествования, я перечитал и обеспокоился – не всё в ней вяжется и стыкуется. Упущен самый драматичный момент – визит на кладбище храброго прапорщика и пальба из пистолета. Хотел было отложить написанное до лучших времён, но пришла мысль – быть может, после публикации ещё кто-нибудь из участников событий откликнется, объявится и расскажет свою версию той кошмарной ночи, иль дополнит уже известное. Итак....

Рассказ Антона Семченко

Этого парня я знал давно, но никогда не имел желания сойтись с ним поближе. Раздражали его панибратские замашки, плоский юмор, неуёмное желание выпендриться. Он плохо учился в школе, не служил в армии и, окончив где-то какие-то краткосрочные курсы, работал кем-то на комбинате хлебопродуктов «Злак». Поэтому я относился к нему с настороженным недоверием, когда судьбе стало так угодно, чтобы именно мне первым пришлось искать его общества. Недостаток умственного развития мешал ему постигнуть мою брезгливую отчуждённость. Он принимал меня за интеллигентного хлюпика и с удовольствием брал под своё покровительство. Естественно, я тяготился такими отношениями и мечтал о том дне, когда услуги этого парня мне будут не нужны. Уж тогда я непременно и с великим удовольствием покажу ему, чему обучался в профессиональной школе боевых единоборств. Я мысленно видел его распостёртым на земле и слышал свой саркастический голос:

– Мне очень жаль, старик, что у тебя по этому поводу могли существовать какие-то иллюзии.

Насколько сам он был хамоватым парнем, настолько же услуги его для меня носили деликатный характер. Дело в том, что Виктор – его звали Гордеевым Виктором – имел подружку, девицу очень накрашенную, шумливую, нравственность которой вызывала большие сомнения. А эта девица – Люда Карасёва – как соседка и бывшая одноклассница, могла запросто, в любое время войти в заветную для меня дверь. Эта дверь скрывала моё счастье....

Девушку звали Люсей. Аккуратная фигурка, прямые волосы до плеч, чистое личико, ясные глаза, губки бантиком, ямочки на щёчках – она была неизменно свежа и приятна, как свеж и вкусен бывает деревенский воздух в начале лета.

В городе девушки другие. В городе их красота от нарядов и косметики. В городе короткая юбка на красивых ножках шокирует сердце, не ласкает.

Мне показалось, вокруг стало тихо, и солнце вздрогнуло за окном, когда, улыбнувшись, она спросила:

– Ваша фамилия, больной?

Люся училась в медицинском институте, а летом подрабатывала в регистратуре районной больницы. Я ничем не болел, был тоже на каникулах и тоже гостил в родном доме.

– А ваша?

Так мы разговорились. Я пригласил её в кинотеатр.

– На какой сеанс? – поинтересовалась она.

– Будет ещё светло.

– У меня папа очень строгий – бывший военный. Так что живу по режиму – в десять отбой, – сказала она с милой улыбкой и совсем без горечи, а скорее с гордостью за своего сурового родителя. – Дружить с ребятами не разрешает. Говорит, сначала диплом.

Увидев мою растерянность, тут же добавила лукаво:

– У меня есть подружка...

Познакомившись с подружкой, я сошёлся и с Виктором Гордеевым. Мой путь на свидания с любимой девушкой теперь начинался от его дома.

По дороге к Людке Карасёвой он рассказывал о своих любовных похождениях, отличавшимся необычайным многообразием. Несмотря на свой скудный словарный запас, в разговорах о сексе и женщинах он вдохновлялся настолько, что в его рассказах появлялись поэтические нотки о лунном свете и звёздном небе над головой. Звучало это довольно романтично, если бы не сопутствовало пошлости.

Последний луч невидимого уже за горизонтом солнца царапнул низкие облака и скрылся. Его исчезновение следовало отнести, примерно, к двадцати трём часам местного времени.

Начало темнеть, кое-где на столбах зажглись редкие фонари. Высоко над посёлком беззвучно пролетел самолёт. Красный сигнальный свет его был похож на раскалённую и бесконечно далёкую планету, совершающую свой космический полёт в чьём-то фантастическом сне.

Мы шли знакомыми проулками, и Виктор рассказывал, как отец-пропойца учит его жить и копить деньги на жизнь. Остановились у дома с высоким крашеным крыльцом под навесом.

– Подожди меня здесь, – сказал Виктор и исчез за дверью.

Я поднялся на крыльцо и присел на перила. Лето уже вступило в ту критическую пору, когда комары не бросаются стаями остервенело на кого попало, а спокойно, присмотревшись, садятся и, не торопясь, принимаются за своё пиршество. Хочешь бей их, хочешь, гони, а хочешь – терпи и наблюдай, как они надуваются кровью и, бывает, лопаются от своей жадности. Я шлёпнул одного на щеке, и звук гулко разлетелся по пустынной улице – на закате слышится далеко.

Гордеев долго не появлялся, и мне поневоле приходилось думать о нём. Среди местных девушек Виктор, как я понял, слыл философом. Прослыть Сократом в сельском посёлке парню после городских курсов, конечно, не сложно. Но Гордеев действительно любил порассуждать о смысле жизни и превратностях судьбы. И под ногтями у него всегда было чисто, хотя для меня это не было решающим. От таких, как он, считал я, можно ожидать всего. Вслед за разговором об истине в вине, он мог походя оскорбить, схватить в пылу спора за грудки, ударить по голове бутылкой. Меня пока не трогал, на его счастье.

Открылась дверь, и на крыльцо вышли Люда с Гордеевым. Судя по его нетвёрдой походке, Виктор в гостях времени даром не терял.

– Однако, вы долгонько, – недовольно буркнул я.

– Не скими, старик, – он толкнул меня кулаком в плечо. – Никогда ни одной минуты не тратить даром – таково моё правило.

– Похоже, выпил ты немного больше, чем следует. А ты, Люда, надеюсь, без запашка?

– Слишком много задаёшь вопросов, студент. И знаешь, почему? – Люда, похоже, тоже была «под мухой».

– Да?

– Потому что он по натуре подкаблучник! – хохотнул Гордеев. – А девушки таких не любят.

– Да, подкаблучник и размазня, – подтвердила его подруга. – Тебе давно бы уже следовало понять, что Люська не про тебя и избавиться от всяких чувств. Таких девушек берут напором и сразу, а ты в глазки заглядываешь, ожидая подачки.

– Постараюсь, – вздохнул я – очень не люблю спорить с пьяными.

– Уж сделай такую милость, друг, – Гордеев хлопнул меня по плечу. – Найди себе подружку-дурнушку, которая на тебя клонет.

Похоже, эти двое хорошо дополняли друг друга. И уж во всяком случае, оба меня глубоко презирали.

Плевать!

Людка ушла за Люсей, а Виктор стал рассказывать, как несколько минут назад мял её голые груди. Я не смог скрыть своего удивления. Этот парень, с тёмными азиатскими глазами, всё время меня поражал своими непредсказуемыми поступками.

– Ты что, старик, не веришь?

– Да нет, – с дрожью в голосе сказал я. – Просто успел пообвыкнуться к вам, полюбить даже и теперь удивляюсь, с какой лёгкостью один из вас продаёт другого.

– Никто никого не продаёт. Девушки, они для того и нужны, ... или нет? Впрочем, ты – чокнутый. Хочешь, на сегодняшний вечер бабами махнём – я твою недотрогу вмиг уломаю, а тебя Людка кое-чему научит. Ты думаешь, она почему на тебя нападает? Нравишься ты ей – сама говорила – вот и злится, что ты по Люське сохнешь.

Если бы не последнее откровение, я, наверное, ударил бы сейчас Гордеева, но сдержался – всегда приятно узнавать, что ты не безразличен девушкам.

– Влюбляться не пробовал? – с деланным сочувствием спросил я, от греха пряча руки за спину.

– Одна пробовала семь раз – семерых и родила, – философски ответил Гордеев.

Он обычно разговаривал со мной покровительски или, когда бывал не в духе, резко, нетерпимо. Он считал меня интеллигентом и подкаблучником, что, по его мнению, было одно и то же, и являлось мало красящим мужчину достоинством.

Девушки появились.

– Я сегодня у Людки на дне варенья! На весь вечер! – Люся улыбалась мне навстречу всем своим существом. – Поздравляю, Людочка!

Девчата обменялись шутивными поцелуями, и мы тут же расстались, разбившись на пары.

Мы гуляли тёмными улицами, я держал её за руку.

– Вот странно – Людка говорит, что Витька ей не нравится, а сама с ним гуляет. Я бы так не смогла.

– Стерпится – слюбится, – осторожно заметил я.

– Не-а. Людка, говорит – всё из-за меня. Вы с Витькой – друзья, и она жертвует собой, чтобы мы могли встречаться.

– Стоит подарить ей коробку конфет за вредность производства.

– А мне?

– Тебе весь – магазин.

Она прижалась к глухому, как стена, забору и спрятала руки за спиной.

– Значит, я тебе нравлюсь?

– Я терпеть тебя ненавижу, – сказал и поцеловал её.

– Я так и думала, – Люся обняла меня за шею, и поцелуи стали взаимными, нежными, долгими....

– Теперь пошли.

– Куда?

– Брать магазин – ты же обещал.

В центре посёлка фонарей было больше. Единственный светофор конвульсивно отбился жёлтым светом от роя комаров и мошек. Ветер шелестел верхушками огромных тополей. Мы остановились возле освещённой витрины.

– Хорошо знать, что такое есть, – Люся кивнула на наряды за стеклом. – Когда-нибудь их можно будет купить.

– Когда?

– Вот институт закончу, начну работать, и....

– Можно замуж выйти, и....

– За студента с повышенной стипендией? – Люська поднялась на цыпочки и чмокнула меня в щёку возле уха.

– Я в стройотряд поеду – знаешь, сколько деньжищ привезу?

– Когда привезёшь – тогда и посчитаем.

Мы шли обратной дорогой. Луна за спиной обозначила наши тени на асфальте. Улица была пуста.

Люся вдруг спросила:

– Как думаешь, покойники с кладбища гуляют по ночам?

– Конечно. А почему бы и нет.

Словно в ответ на мои слова, из двора двухэтажки вышел мужчина, увидев нас, остановился и начал наблюдать.

– Ой! – Люся прильнула ко мне всем телом.

Мы ушли уже достаточно далеко, а моя спутница всё оглядывалась на злополучную фигуру.

Чтобы отвлечь её, спросил:

– О чём ты подумала, когда первый раз увидела меня?

– А ты?

– Я подумал, эта девушка создана для меня.

– А я – вот припёрся откуда-то городской воображала.

Целый квартал мы прошли молча, целуясь на ходу.

– Ой, Людка идёт! Пойдем, спросим, где они были.

Я поймал её и держал возле себя в объятиях, покуда не подошли Гордеев с подружкой. В руках у Виктора побулькивала почти пустая бутылка. Он протянул её мне:

– Выпей, старик, за день рождения самой прекрасной на свете именинницы.

Игнорируя угощение, я взял Людкину руку и поцеловал её, склонившись:

– Поздравляю.

Именинница заметно смутилась.

Люся щебетала:

– Антон говорит, покойники ночами с кладбища удирают, по улицам гуляют. Одного мы сейчас видели.

– Это надо проверить, – заявил Виктор. Он опрокинул остатки из бутылки в рот и, размахнувшись, далеко забросил пустую тару. – Топаем на кладбище.

Ночью на кладбище преобладает один цвет – белый. Может быть потому, что он больше пугает, бросается в глаза. Белый – цвет савана. В каждом венке, в мраморном надгробье чудятся вставшие мертвецы.

– Шикарно! – Людка примерила на шею шелестящий бумажными цветами веночек.

– Подъём, жмурики! – гулко стучит кулаком по пирамидке Гордеев.

Кресты, холмики, надгробья, оградки, оградки, оградки....

Плиткою вымощена площадка, столик, скамейка, мраморный обелиск, по углам ограды чугунные столбики, провисли массивные цепи. Красиво, со вкусом, даже величественно.

Люся меня за руку и туда:

– Это наш дом, приходите в гости.

Через завалы венков Людка пробралась к кресту, обвила руками перекладину, склонила на бок голову:

– Я – великомученица. Молитесь на меня.

Виктор, чиркнув спичкой, прочитал под «Здесь покоится...» и запел, кривляясь и отплясывая на скорбном холмике:

– Софья, я не стану врать

Готов полбанки я отдать

Чтобы тобою обладать....

Признаться, в первые минуты я остолбенел: святые места – музеи, церкви, кладбища – всегда закрепощают меня, настраивают на благодарно-покаянный мотив, а тут такое кощунство! И всё это из-за Люси. Не ожидал.

Но она быстро поняла моё состояние и вот уже сидит на скамеечке тихая, повинившаяся – ждёт. И ко мне вернулось чувство реальности. И обида, и злость на этих хулиганов.

Я мог бы надавать Витьке тумачков и гнать его пинками от этого святого места, но не рискнул наделать ещё большего шума. Вместо этого подошёл к Людке и траурными лентами с венков прихватил её кисти к перекладине. Витькина подружка лишь постанывала сладострастно.

Я вышел на дорожку:

– Пойдём отсюда, молиться утром вернёмся.

Люся шмыгнула мне под руку.

– А как же я? – первый проблеск страха достиг Людкиного сознания.

Моя затея понравилась Гордееву, он даже перестал петь и плясать.

– Не бойся, старуха! Ни черта не бойся – мы придём за тобой обязательно.

– Вы, идиоты! Что удумали? – Люда кричит, она почти в истерике. – Студент, я задую тебя! Витька, дурак, отвяжи руки!

Гордееву нравятся забавы сильного над беззащитным, но то ли ему жалко стало подругу, то ли какая другая мысль пришла в его кудрявую голову. Он возвращается, но развязывать не спешит, целует Люду, шарит руками по её телу.

Мы с Люсей отворачиваемся и бредём, обнявшись, по дорожке. Я приглядывался к ней, насколько это позволял неверный свет луны. Ничего не отражалось на её милом личике – ни сочувствия, ни любопытства, только грусть.

– Ты расстроился?

– Знаешь, кроме наших необузданных страстей, есть ещё незыблемый порядок жизни – что свято, то свято.

Она заражается моим благочестием и виновато трётся носиком о моё плечо.

Нас догоняют Витька с подружкой. Люда встала напротив меня:

– Студент, я тебе сейчас по морде дам.

Раз сказала, значит, не даст. Говорю как можно убедительнее:

– Люда, не забудь, мы здесь в гостях, и не надо так громко кричать.

– У кого в гостях? У этих жмуриков? – Людка срывает с ближайшей могилки венки и бросает мне под ноги. – А ну подними, а то обидятся...

Это уж слишком! Делаю шаг по направлению к хулиганке, и голос мой снижается до зловещего шёпота:

– Если сейчас из твоего цветущего организма выпустить кишки и забросать землёй, то, думаю, твоя прекрасная внешность мало чем будет отличаться от внешности тех, кого ты называешь жмуриками, и пахнуть ты будешь....

– Не трогай мою цветущую внешность! – рычит Людка, разворачивается и уходит прочь. – Витёк, за мной! Люська, бросай своего психа, айда с нами ямки себе мерить.

Голос её удалился. Виктор ушёл следом. Люся осталась со мной.

– Пойдём домой.

– Неудобно без них.

– Неудобно? – я ещё не остыл. – Неудобно на потолке спать – остальное терпимо.

Люся молчит. Она ни причём, и мне становится стыдно. Понёс всякую околесицу, лишь бы сгладить свою грубость.

– ... Вот, говорят, колдун не может умереть и мучается до тех пор, пока искусство своё не передаст. Ему достаточно для этого лишь коснуться человека – и готов новый колдун, а старый преспокойненько в гробу вытягивается. А бывает, что устанет хворать и заснёт летаргическим сном, просыпается уже в гробу на кладбище. Силушка-то чёрная покоя не даёт. Он вылезает ночами и караулит, когда какие-нибудь дураки, вроде нас, забредут сюда....

Люся боится и прижимается ко мне тесней.

Луна то спрячется, то вновь расчистит себе проталину в облаках, и пульсирует из её черноты, заливая всю округу мертвенной бледностью.

Мы брели бездумно кладбищенской аллеей, как вдруг странный посторонний звук привлёк наше внимание. Будто песком по плащовке прошуршало за спиной. Мы с Люсей остановились, с недоумением оглянулись. В полутьме на одном из могильных холмов будто на пружинах поднялась чёрная фигура.

Я не успел её толком рассмотреть – Люся утопленницей вцепилась в меня, щекой прижалась к подбородку, совсем близко блестя страхом её глаза, волосы закрыли весь мир. С трудом оторвал её от себя, чтобы иметь возможность защищаться.

Казалось, всё вокруг на своих местах. Чего Люся трясётся? Но звякнула калитка, и взор поймал движущийся на нас чёрный силуэт. Без сомнения, это был человек. Не животное, не чертовщина какая-нибудь. Старушка – роста маленького, на голове будто капюшон, на спине горб, и плащ шуршит. Шажки мелкие, шаркающие – несомненно, старушечьи. Но никаких намёков на лицо, руки – всё напрочь задрапировано темнотой.

Люся молча тряслась, повиснув на моей руке, и колебания её тела достигли невероятной частоты. Хочу успокоить её и говорю, как можно спокойнее, но голос предательски сипит и срывается:

– Что за шутки? Тут либо по морде бить, либо рвать без оглядки. Начнём с первого....

Жду, что фигура сейчас бросится на нас с жутким воплем Гордеевского голоса:

– Ага, попались!

Но горбатый силуэт вдруг останавливается, качнувшись на месте, поворачивается и также, не спеша, начинает удаляться. Со спины он ещё сильнее похож на старуху, и, слава Богу, что нам не пришлось увидеть её, наверняка, мерзкой рожой.

Люся, кажется, начала оживать, хотя её по-прежнему бьёт озноб

– Что? Что это было?

Фигура уже далеко, за ней надо следить взглядом, чтобы не потерять в темноте.

– Не смотри и успокойся, – я повернул девушку за плечи и повёл прочь. – Ну, было, было и сплыло – теперь нет. Пошли отсюда.

Она идёт безропотно, вертит головой, оглядываясь. Дорожка упирается в пролом в заборе. Кажется, все наши страхи позади.

Но не тут-то было! За спиной вновь слышны шаги, ближе, ближе.... Я заслоняю Люсю собой, готовый к самому худшему. Из темноты выныривает Гордеев, идёт по тому самому месту, где только что шаркала ножками загадочная фигура. Будто столкнул её в сторону и идёт к нам. Идёт, благодушно улыбаясь – издали видно. И нам с Люсей сразу становится хорошо и спокойно.

– Что, испугались, голубки?

– Так это ты был, ты...? – Люся молотит в Гордеевскую грудь кулачками. Для него это вместо щекотки.

– Здорово я вас?

Мне непереносимо его глупое торжество.

– Нет, Виктор, здесь действительно кто-то был. Минуту раньше ты столкнулся бы с ним лбами. Да нет, там старушка была вот такусенькая....

Гордеев ни с кем не хочет делиться своей славой:

– Да я это, я, говорю...

– Может и ты, да вот пиджак твой импортный за версту светит.

– Да? – Виктор обескуражено посмотрел на его светлые полы, но тут же нашёлся. – А сейчас?

Он стянул пиджак, вывернул его на изнанку и накинул на плечи:

– Ну?

– Похож, – говорю. – Только морда фосфором светится.

Виктор голову наклонил вперёд цыганскими кудрями, руки за спину заложил – ворот пиджака вздыбился. Ну, точь-в-точь, как та фигура, даже горб на месте. Только великовата, конечно.

– Он! Он! – Люся запрыгала дошкольницей, в ладоши запрыгала, потом спохватилась. – А Людка где?

Тут и Карасёва подошла из темноты, схватила нас с Витькой за локти:

– Пойдёмте, пойдёмте отсюда поскорей!

Мы выбрались с кладбища и побрели домой, болтая ни о чём. Только Людка напряжённо молчала, к чему-то прислушиваясь и оглядываясь назад. У самого посёлка она вдруг разрыдалась:

– Хватит вам трепаться! Я там видела такое, такое....

Все мы принялись её утешать, расспрашивать. Она кое-как успокоилась и, наконец, поведала свои приключения.

– Пока Витька ходил вас пугать, я присела меж оградок, ну, чтоб не увидели. И кто-то прополз перед моим носом – плащ шуршал, покойником пахло. Я чуть не умерла со страху.

Вот тебе и на!

Теперь и мы с Люсей принялись убеждать, что видели кого-то в плаще, правда, не так близко, чтоб унюхать его запах. Витька один ни чему не верил и всё посмеивался. С тем и пришли на знакомую улицу.

Возле дома Карасёвых стоял военный «уазик». Бравый прапорщик при португее и сапогах шагнул навстречу:

– Здорово, молодёжь! – и Люде, – слышь, позови сестру.

Людка прошла в дом, а прапор, пожав Витьке руку, протянул её и мне.

– Николай, – представился он. – А для знакомства у меня кое-что есть.

Нырнул в «уазик», вернулся с армейской фляжкой, потряс над гордеевским ухом:

– Нюхни, Витёк.

Тот свернул пробку, нюхнул, лизнул, поморщился:

– Спиртяга.

– Ага, – Николай вновь побывал в машине и вернулся с кавказским рогом в металлической окантовке с массивной цепью, – Подойдёт стопарь? Я его надраил, держи.

– Посуда увесистая, – вертя в руках рог, согласился Гордеев. – Хохлы о таких говорят: «Возьмешь в руки – маешь вещь».

Из дома вышла старшая Людкина сестра Татьяна.

– Опять ты здесь, – напустилась она на прапорщика. – Что у тебя за мания с пистолетом свататься? Ты в наряде? Вот и валяй отсюда, служи, пока из армии не выгнали.

– Пойду служить, – согласился прапор. – Прощайте, Татьяна Васильевна.

– Поезжай, Коленька, служи честно-причестно, а когда медаль получишь – приезжай.

– Я так и сделаю. Только вот с друзьями выпью на посошок.

Хлопнула дверь.

– А вот и я! – Людка выскочила с бутылкой вина. От пережитого страха не осталось и следа. – Забыл, народ? У меня ж сегодня день варенья!

– Да ты что?! – Николай хлопнул себя по лбу, вырвал у Виктора рог и протянул Людке. – Дарю, красавица. Расти большой, не будь лапшой.

Девчонки начали пить вино из рога. Прапор протянул фляжку со спиртом Витьке, он мне, но я отказался. Гордеев, с горделивым видом поглядывая на меня, приложился к горлышку, сделал глоток, потом сунул тару Николаю и кинулся под водоразборную колонку. Отдышавшись, предложил прапору:

– Разбавь.

Бравый вояка величавым жестом отринул его совет. Выпустил из груди воздух, опрокинул фляжку и сделал несколько больших глотков. Задумался.

– Эй, ты слышь, живой? – теребил его Гордеев.

Николай не обращал на него внимания. Восстановив дыхание, словно очнувшись от раздумий, заговорил мечтательно:

– Сколько тебе, Людочка? Семнадцать? Двадцать? Чудесная пора. Пора смелых надежд и первой любви. Как это у Достоевского? «Ночь,.. туман,.. струна звенит в тумане.» Помните?

Струна... туман на озере... Поехали, девочки купаться. Что может быть прекраснее ночного купания.

Татьяна Карасёва была не против, но Людка заупрямилась, должно быть, хмель кружил ей голову:

– Хочу на кладбище! Поехали, мальчики, ведьму ловить.

– Слово именинницы – закон для окружающих, – прапор распахнул все двери служебного авто. – Полежай, девочки. Ведьму поймем, а на озере утопим. Вся ночь с нами!

Люся была не против покататься, но, заметив мою нерешительность, подошла:

– Там, на кладбище, нехорошо получилось. Лучше я домой пойду. Проводишь?

И тут же тень пробежала по её лицу – домой ей сейчас меньше всего хотелось.

– Люська, не дури! – крикнула Людка из машины. – Ты ж у меня на именинах. Другой раз не отпрошу, вот увидишь.

Тут и я сообразил, что зря кочевряжусь – лучше ехать куда-нибудь с Люсей, чем брести домой одному. Я подхватил её на руки и понёс в машину, шепча на ухо:

– Ночь, туман, струна звенит в тумане, и звезда с звездой говорит...

Уселись – я с девочками сзади, прапор с Витькой впереди. Прежде, чем завести мотор, они снова открыли фляжку.

– Эй, ребята, – встревожился я. – Не так часто – кто машину поведёт?

– Вы бы действительно не увлекались, – поддержала меня Таня.

Машина тронулась. Николай врубил пьяного дурака – нарочито виляя по всей дороге, запел:

– Ну и пусть, будет нелёгким мой путь...

Девчонки взвизгнули.

– Допрыгается, – заглянул я в мрачное будущее.

Таня с гордостью за кавалера сказала:

– Он вообще ничего не боится – это даже страшно.

– Ничего не бояться нормальный человек не может, – заметил я. – Даже если у него ума на мизинец, то и тогда он должен распознать хоть самую примитивную опасность.

– Ребята, нет проблем, – вклинился Гордеев. – Держу пари – люблю пари – что командир твой, Танька, струсит один на кладбище.

– Спорь, Таня, – посоветовал прапор, – без штанов юноша останется.

– Да ну вас, – Таня отмахнулась. – Дефицит нормальных людей хуже дефицита колбасы.

Она старалась держаться независимо, но видно было, как она любит Николая, всей душой тянется к нему, болеет за него и страдает. Люся сказала мне позднее:

– Ей хватило одной лишь его фразы: «Знаешь, я так себя люблю, так уважаю, что нашёл тебя».

– Не, ты скажи, Колёк, скажи, чего ты боишься, – пьяно приставал Гордеев.

– Чего боюсь? – Николай покосился на него. – В командировках часто бываю, люблю шашлыки на вокзалах есть. Вот и боюсь, что какая-нибудь зараза нерусская накормит меня собачатиной...

– Шашлык из собачатины..., – Витька передёрнулся от отвращения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.